

Экономическая социология. Социология труда

© 2024 г.

П.М. КОЗЫРЕВА, А.Э. НИЗАМОВА, А.И. СМИРНОВ

ДИНАМИКА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики» (pkozyreva@isras.ru); НИЗАМОВА Алфия Энварьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; главный эксперт Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики» (anizamova@hse.ru); СМІРНОВ Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (smir_al@bk.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлен анализ изменений в продолжительности рабочего времени в постсоветский России (1994–2021). Показано, что если в 1990-х гг. каждый третий работник трудился, не превышая установленную продолжительность рабочего времени, то сегодня только каждый пятый, а остальные вынуждены постоянно перерабатывать. Вместе с тем при росте показателей продолжительности оплачиваемой работы отмечено заметное сокращение времени на передвижение на работу и обратно, а также доли этих затрат в общем объеме рабочего времени. Выявлена заметная дифференциация работников по уровню трудовой нагрузки, что, в свою очередь, становится одной из веских причин роста дифференциации в размере заработной платы. Анализируя ситуацию, сложившуюся в экономике, авторы прогнозируют сохранение высоких показателей продолжительности рабочего времени в ближайшей перспективе, что повышает угрозу эмоционального истощения и физической усталости работников.

Ключевые слова: динамика • мониторинг • оплачиваемая работа • рабочее время • социальная адаптация • экономический кризис

DOI: 10.31857/S0132162524050021

Предпосылки и эмпирическая база исследования. Одним из направлений изучения тенденций и особенностей динамики распределения фонда времени на различные виды деятельности на протяжении постсоветского периода выступает исследование изменения затрат времени работающим населением на оплачиваемую работу и связанные с ней виды деятельности. Так, в ходе изучения социальных проблем труда и досуга рабочих после перехода к рыночной экономике выявлено сокращение времени основной работы, главным образом у мужчин, а также продолжительности передвижения от дома

В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

до работы и обратно у рабочих, мужчин и женщин [Патрушев, 2006]. В исследовании, проведенном в 2014 г. на восьми промышленных предприятиях в пяти областных центрах, выявлена существенная региональная дифференциация величины рабочего времени рабочих, как мужчин, так и женщин, а также незначительная дифференциация затрат времени на виды деятельности, связанные с оплачиваемым трудом [Караханова, Большакова, 2016].

Анализ особенностей повседневного использования времени работающим городским населением за 1965–2004 гг. выявил, что после перехода к рыночной экономике городские мужчины и женщины стали работать меньше, но после 1998 г. среди женщин отмечен рост продолжительности рабочего времени, тогда как экономическая активность мужчин продолжала падать [Караханова, 2006]. На основе данных исследований, охватывающих 1986–2004 гг., проанализированы тенденции использования времени на оплачиваемую работу и связанные с ней виды деятельности отдельными группами городских жителей. На фоне увеличения общей трудовой нагрузки в городах у всех мужчин и уменьшения у всех женщин выявлено сокращение рабочего времени (оплачиваемый труд и время, связанное с работой) у тех и у других; более заметное влияние на использование времени брачного статуса у мужчин, чем у женщин; сокращение рабочего времени у специалистов, причем в большей степени у мужчин [Повседневная деятельность..., 2010].

Исследование использования бюджетов времени сельским населением показало, что динамика продолжительности рабочего времени сельчан характеризуется определенными колебаниями. Если в первой половине 1990-х гг. отмечено значительное сокращение рабочего времени на селе, то в дальнейшем это падение прекратилось, но наблюдались различающиеся по амплитуде колебания продолжительности оплачиваемого труда и времени, связанного с работой, у сельчан обоего пола [Артемов, Новохацкая, 2011]. Сравнительный анализ использования бюджетов времени городским и сельским населением выявил хотя и сократившуюся, но значительно более высокую трудовую нагрузку сельских жителей [Патрушев, 2005].

В целом, как показал сравнительный анализ данных широкомасштабного выборочного пилотажного обследования, предпринятого органами федеральной статистики накануне Всероссийской переписи населения 2010 г., и данных советского периода, население стало работать меньше и резко снизился уровень занятости [Кузьмин, 2013: 39]. В то же время анализ динамики использования времени работающими горожанами в 1986, 2007–2008, 2019–2020 гг. выявил связь адаптационного поведения в повседневной деятельности с циклично-волновой трансформацией внешней по отношению к домохозяйству среды [Большакова, Караханова, 2022].

В социально-экономической литературе зафиксирован долгосрочный мировой тренд сокращения рабочего времени (количества часов, отработанных в среднем в расчете на одного занятого) в условиях экономического роста и повышения общественной производительности труда [Золотов, 2020]. Но в разных странах эта закономерность имеет свою специфику. В экономиках развитых западных стран средняя продолжительность рабочего времени заметно уменьшилась в 1960–1970-е гг., после чего ее снижение замедлилось. В России продолжительность оплачиваемого труда заметно снизилась в первые годы реформ, но стабилизировалась в середине 1990-х гг. При этом увеличилась дифференциация работников по данному показателю [Вишневская и др., 2001]. В дальнейшем показатель продолжительности рабочего времени, после небольшого роста в начале 2000-х гг., был подвержен определенным колебаниям, демонстрируя зависимость от меняющихся условий [Бобков, Вередюк, 2019; Зайкова, 2020].

Отмечается также, что особенностью «русской модели рынка труда» на протяжении всего постсоветского периода является то, что в кризисные годы амортизация негативных экономических шоков идет в ней не столько по линии падения занятости и роста безработицы, сколько по линии сжатия продолжительности рабочего времени – одного из главных каналов подстройки к негативным экономическим шокам, что происходит главным образом за счет распространения различных форм неполной занятости [Капелюшников, 2023: 45–46].

С учетом определенной противоречивости данных предыдущих исследований, целью данной работы является анализ изменений, характеризующих перемены в продолжительности рабочего времени за постсоветский период, которые привлекают внимание

не только специалистов, но и представителей государственных ведомств и других заинтересованных лиц. Внимание акцентируется на сдвигах, которые нередко маскируются различными по амплитуде колебаниями анализируемых показателей. Рассматриваются изменения продолжительности оплачиваемой работы, а также основного вида деятельности, связанного с работой – затрат времени на передвижение к месту работы и обратно. Фиксировалась продолжительность работы в течение последних семи дней, предшествующих опросу, на предприятии, в организации, включая работу по совместительству, надомную работу, предпринимательскую и фермерскую деятельность.

Эмпирическую базу исследования составили данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹. Большинство интересующих нас вопросов включались в обследование только в 1994–1996, 1998 гг. (5–8-я волны), а затем, после большого перерыва, в 2021 г. (30-я волна), что в определенной мере ограничивает возможности анализа. Но, с другой стороны, сравнение таких двух временных срезов позволяет яснее представить глубину изменений в продолжительности рабочего времени, которые произошли по сравнению с периодом, когда экономика России переживала радикальные и чрезвычайно болезненные реформы. В данном случае конец 2021 г. выглядит наиболее удачным периодом для проведения сравнительного анализа, поскольку это время определенного затишья между шоковыми событиями, вызванными пандемией коронавируса, и началом специальной военной операции. Объектом исследования являлись работающие россияне в возрасте 18 лет и старше.

Занятость и продолжительность работы. Продолжительность рабочего времени тесно связана с занятостью, непосредственно зависит от ее характера и вида (формы, типа) [Вишневская и др., 2001: 61–62]. Эта связь становится еще заметнее и теснее с появлением новых (нестандартных) форм занятости, усиливающих дифференциацию затрат времени на оплачиваемый труд и связанные с ним виды деятельности. В то же время одинаковое количество часов может быть реализовано при разных режимах рабочего времени [Бобков, Вередюк, 2019: 109–110].

Анализ данных RLMS-HSE представляет хотя и пеструю, но достаточно стабильную картину распределения занятых в зависимости от количества дней, отработанных на основной работе в течение месяца, предшествующего опросу (рис.). Большинство занятых работали в месяц свыше 20 дней, но доля таких работников за 2006–2021 гг. сократилась с 63,4 до 58%. При этом занятость значительной части респондентов нельзя назвать высокой: примерно каждый пятый трудился на основной работе в месяц не более 15 дней и еще каждый пятый – от 16 до 20 дней. Доля респондентов, которые с учетом пятидневной рабочей недели работали в месяц около 20–22 дней, увеличилась с 43,2 до 48%, тогда как доля лиц с самой большой нагрузкой, отработавших в месяц более 25 дней, сократилась с 14,4 до 9,6%.

Мужчины чаще превосходят женщин по количеству рабочих дней. По данным за 2021 г., доля респондентов, отработавших в течение последнего месяца не более 15 дней, достигла среди мужчин 21,5%, среди женщин – 22%, тогда как доля отработавших свыше 25 дней составила соответственно 11,7 и 7,6%. Среди сельчан доля отработавших в течение последнего месяца больше 25 дней была гораздо выше, чем среди горожан (17,2 против 7%). Чем выше уровень образования, тем ритмичнее и размереннее темп работы. По мере его повышения от неполного среднего до высшего падает как доля тех, кто работал не более 15 дней (с 26,5 до 15,9%), так и тех, кто трудился свыше 25 дней (с 15,8 до 6,9%). Влияние возраста в данном случае проявляется в том, что после достижения 60-летнего рубежа повышается до 30% доля работающих в месяц не более 15 дней и падает до 5,9% доля тех, кто трудится свыше 25 дней.

Многим работникам приходится трудиться в субботу, воскресенье или праздничные дни, что существенно увеличивает их общую трудовую нагрузку (табл. 1). При этом

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>).

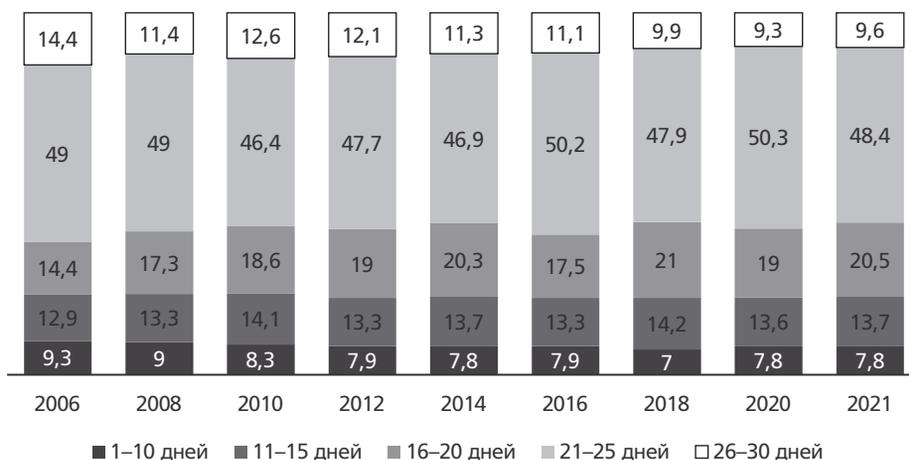

Рис. Распределение респондентов в зависимости от количества дней, отработанных ими в течение последних 30 дней, 2006–2021 гг. (в %)

Таблица 1

Распространенность работы в вечернее и ночное время, выходные и праздничные дни, 2021 г. (в %)

Группы занятых	Никогда	Несколько раз в год	Несколько раз в месяц/один раз в месяц	Несколько раз в неделю/несколько раз в месяц	Практически все дни
<i>Как часто вам приходится работать поздно вечером или ночью?</i>					
Все работающие	65,8	10,2	12,8	10,4	0,8
в том числе:					
мужчины	54,3	13,7	17,5	13,3	1,2
женщины	77,2	6,7	8,0	7,7	0,4
<i>Как часто вам приходится работать в субботу, воскресенье или праздничные дни?</i>					
Все работающие	32,6	17,4	4,7	40,0	5,3
в том числе:					
мужчины	24,7	19,6	5,1	44,2	6,4
женщины	40,1	15,4	4,2	36,1	4,2

хорошо заметна гендерная асимметрия в сторону большей трудовой нагрузки у мужчин за счет работы в выходные и праздничные дни, а также в вечернее и ночное время.

Ответом на многие современные вызовы в сфере труда стало развитие новых форм занятости населения, которые обеспечивают наиболее оптимальное в сложившихся условиях взаимодействие работодателя и работника. К таким формам можно отнести многочисленные разновидности дистанционной занятости, получившие в последние годы широкое распространение. Одним из факторов, ускоривших этот процесс, стала пандемия COVID-19, которая внесла существенные коррективы в функционирование российского рынка труда. Сегодня, несмотря на всю неоднозначность влияния на рынок труда, дистанционная занятость рассматривается как одна из наиболее перспективных форм трудовых отношений, проявившая свой потенциал в условиях пандемии [Колесникова, Стребков, 2020: 65]. Но пока, несмотря даже на существенный рост в период эпидемии, уровень дистанционной занятости остается очень низким [Капелюшников, 2023: 39–41].

В 2021 г. 82,4% респондентов отдавали предпочтение обычному, не дистанционно-му режиму работы, 13,1% хотели бы сочетать обычный и дистанционный режимы и лишь 4,6% желали работать только дистанционно. И в действительности подавляющее большинство работников (86,1%), занятых на основной работе, традиционно проводили основную часть рабочего времени на постоянном рабочем месте, внутри или вне помещения. Что касается остальных работников, то 9,2% обычно трудились без постоянного рабочего места, в разъездах или перемещениях в пределах определенной территории, 1,9% – на выезде с проживанием, вахтовым методом, 0,8% – дома (надомная работа), но не онлайн, и только около 2% работали в основном дистанционно из дома или из другого места. Женщины гораздо чаще мужчин проводили основную часть рабочего времени на постоянном рабочем месте (93,9 против 78,2%), тогда как мужчины намного чаще трудились без постоянного места работы, в разъездах (16,2 против 2,2%) и на выезде с проживанием (3,5 против 0,3%).

Часть занятых помимо основной работы имеют еще одну оплачиваемую работу. Доля таких респондентов выросла с 4,6% в 1994 г. до 5,2% в 2001 г., но к концу 2021 г. она сократилась более чем вдвое – до 2,9%. Кроме того, определенная часть занятого населения иногда, время от времени выполняет еще какую-нибудь работу за плату (занимаются репетиторством, помогают с ремонтом квартиры, автомобиля, ухаживают за больными и т.п.). В 2021 г. среди занятых доля таких респондентов составила 4,2%.

Данные мониторинга свидетельствуют о существенной дифференциации трудовой нагрузки по группам занятых, обусловленной различиями в характере занятости, особенностями труда на конкретных предприятиях. Анализ, выполненный В.Н. Бобковым и О.В. Вередюк, опираясь на данные RLMS-HSE, показал, что при сохраняющейся неоднородности региональных тенденций условно-стандартная модель (40 часов в неделю по 8 часов в день в течение пяти дней) продолжает распространяться, но еще не стала преобладающим «режимом часов работы». Факторами, повышающими вероятность занятости на условиях этой модели, являются наличие трудового договора, работа в компаниях с государственным участием, занятость в органах управления [Бобков, Вередюк, 2019].

Тенденции изменения продолжительности рабочего времени. Анализ данных Росстата выявляет тесную связь колебаний в продолжительности рабочего времени с фазами кризисных процессов и колебаниями в ВВП. Согласно расчетам, опирающимся на эти данные, показатель среднего количества отработанных за год часов на одного работника (рассчитывается по административным данным для сектора крупных и средних предприятий) уменьшился с 1810 часов в 1989 г. до 1500 часов в 1996 г. (т.е. на 17%), после чего постепенно увеличился до 1730 часов в 2006 г. [Заработная плата..., 2007: 41–42]. В дальнейшем этот показатель колебался вокруг отметки 1750 часов. При этом выделялись два пика – в 2007 г. и 2019 г., когда он вплотную приближался к отметке 1770 часов, а также три провала, приходящиеся на годы кризисов: 2008, 2015 и 2020 гг. Сходную картину рисует и динамика средней продолжительности рабочей недели. Ее колебания происходили вокруг отметки 38 часов без явно выраженного долгосрочного тренда [Капелюшников, 2023: 42–45].

Вместе с тем, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), эти показатели в России оказываются выше, превосходя показатели многих ведущих стран мира. Так, в 2020 г. в странах, данные по которым собирает ОЭСР, среднее рабочее время в расчете на одного занятого в год составило 1687 часов, тогда как в России – 1874 часа [OECD..., 2023]. В настоящее время россияне работают на 1–3 месяца в году больше, чем в США, Великобритании, Франции, Германии и некоторых других западных странах [Карачаровский, Гурулева, 2023:36].

Согласно данным RLMS-HSE² (табл. 2), средняя продолжительность оплачиваемого труда в неделю на одного российского работника в 2021 г. составила 43,4 часа, что было немного больше, чем в 1990-х гг. (критерий Краскела – Уоллиса $H(4) = 82,791$; $p < 0,001$). Если исходить из того, что в 2021 г. было 45 рабочих недель (за вычетом отпуска и праздничных

²Здесь и далее затраты времени на оплачиваемый труд и связанное с ним передвижение до места работы и обратно рассчитаны по тем опрошенным, относительно которых было известно, что в течение последних 7 дней они участвовали в этих видах повседневной деятельности. Таковых в базе данных пять волн (1994–1998, 2021) в сумме насчитывалось 19 289 респондентов при анализе продолжительности времени работы и 19 081 – при рассмотрении времени на передвижения в связи с работой.

Таблица 2

Динамика продолжительности оплачиваемого труда и передвижения на работу и обратно в неделю (на человека в часах за 7 дней недели)*

Вид деятельности	1994	1996	1998	2021
Оплачиваемая работа	42,0 (40,0)	42,8 (40,0)	40,9 (40,0)	43,4 (40,0)
в том числе:				
мужчины	44,7 (40,0)	45,9 (41,0)	43,4 (40,0)	45,7 (42,0)
женщины	38,9 (40,0)	39,6 (40,0)	38,4 (40,0)	41,1 (40,0)
Передвижение на работу и обратно**	5,2 (4,0)	4,9 (3,5)	4,6 (3,3)	4,1 (2,7)
в том числе:				
мужчины	5,6 (5,0)	5,2 (4,0)	4,9 (3,5)	4,3 (3,0)
женщины	4,7 (3,5)	4,7 (3,5)	4,4 (3,0)	3,9 (2,5)
В целом	47,5 (45,5)	47,8 (45,5)	45,6 (45,0)	47,5 (46,0)
в том числе:				
мужчины	50,5 (49,0)	51,0 (48,7)	48,2 (47,0)	49,9 (48,5)
женщины	44,0 (43,3)	44,4 (44,0)	42,8 (43,3)	45,2 (45,0)

Примечания. *Средняя (медиана). **Приведены данные по ответившим без учета тех, кто не ездил на работу, но работал.

дней), то среднее рабочее время в расчете на одного занятого в год составит 1953 часа. Хорошо заметно резкое снижение средней продолжительности труда в неделю в 1998 г., когда страна испытала один из самых тяжелых экономических кризисов. Мужчины постоянно превосходили женщин по данному показателю, но к концу 2021 г. это преобладание заметно сократилось. В целом за 1994–2021 гг. это снижение составило около 20%.

Из табл. 3 видно, что в 2021 г. по сравнению с 1990-ми гг. стало гораздо меньше тех, кто работал менее 40 часов в неделю. Это снижение произошло практически полностью за счет увеличения количества работающих от 40 до 55 часов. Выявленные сдвиги в равной степени затронули и мужчин, и женщин. В целом в 2021 г. почти 80% занятых трудились на оплачиваемой работе более 40 часов в неделю, т.е. превышая установленную нормальную продолжительность рабочего времени. Среди мужчин таких было 85,5%, тогда как среди женщин – 70,2%. У каждого пятого мужчины и каждой восьмой женщины оплачиваемое рабочее время составляло в неделю более 55 часов, которые в подавляющем большинстве случаев «набегали» за счет работы в вечернее и ночное время и/или выходные и праздничные дни. Такие различия в продолжительности работы

Таблица 3

Распределение занятых в зависимости от продолжительности оплачиваемого труда в неделю по полу по годам* (в %)

Часы в неделю	1994			1998			2021		
	в целом**	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Менее 40	32,2	23,3	42,4	33,6	25,8	41,5	22,1	14,5	29,8
От 40 до 45	33,0	34,5	31,4	33,0	34,1	31,8	37,6	37,7	37,6
От 45 до 55	18,3	20,7	15,5	19,3	20,8	17,8	23,5	27,3	19,7
55 и более	16,5	21,5	10,7	14,2	19,3	9,0	16,7	20,5	12,9

Примечания. *По полу: 1994 г.: χ^2 Пирсона = 204,114, значимо на уровне 0,001; 1998 г.: χ^2 Пирсона = 124,275, значимо на уровне 0,001; 2021 г.: χ^2 Пирсона = 189,839, значимо на уровне 0,001. **В целом по годам: χ^2 Пирсона = 171,165, значимо на уровне 0,001.

определенным образом свидетельствуют о существенной дифференциации работников по размеру заработной платы.

Результатом постоянных переработок может стать так называемое эмоциональное выгорание, представляющее собой, по определению Всемирной организации здравоохранения, состояние, возникающее в результате хронического стресса на рабочем месте, который не удается успешно преодолеть. Такое состояние, характеризующееся физическим и психическим истощением, возникает в ответ на эмоциональное перенапряжение при выполнении профессиональных обязанностей. Благодатной почвой для эмоционального выгорания является ситуация, характеризующаяся длительно сохраняющимся напряжением труда с постоянными переработками. Кроме того, «критический уровень нагрузок на работе» является причиной распространения такого феномена, как «ловушка» экономической мотивации – индивидуальной неготовности работников к повышению производительности труда даже при условии повышения заработной платы [Карачаровский, Гурулева, 2023].

Но, несмотря на все это, большинство работников вполне довольны своей нынешней работой. По данным RLMS-HSE, за 2002–2021 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом выросла с 50,6 до 73%, тогда как доля совсем или скорее недовольных сократилась с 32 до 6%. При этом за 2009–2021 гг. доля работников, в большей или меньшей степени удовлетворенных продолжительностью рабочего дня, практически не изменилась, составив около 69%. В то же время доля в той или иной мере неудовлетворенных сократилась с 11,5 до 8%.

Похоже, что часто проблема эмоционального выгорания или не осознается в полной мере, или игнорируется российскими работниками. Как показывает практика, многие из них сами с желанием соглашаются на работу с продолжительностью рабочего времени сверх установленной. Причины могут быть самыми разными: от стремления полнее реализовать себя в профессиональном плане, проявления корпоративной солидарности до желания получить прибавку к заработку, перейти на более высокую и оплачиваемую должность. В таких случаях режим переработок не только не снижает, но может и повышать удовлетворенность продолжительностью рабочего дня, условиями труда и работой в целом.

Анализ выявил значимую, но крайне слабую обратную связь возраста с продолжительностью оплачиваемого труда. Более заметным оказалось влияние уровня образования, которое проявляется в том, что более образованные работники тратят меньше времени на работу, чем менее образованные (табл. 4). Если в 1990-х гг. это влияние практически не ощущалось, то в 2021 г. наблюдалось последовательное сокращение среднего показателя продолжительности работы по мере повышения уровня образования: с 45,8 часа среди респондентов с образованием ниже среднего до 41,6 часа среди респондентов с высшим образованием. Причем эта тенденция была характерна только для мужчин: соответствующее снижение составило с 48,4 до 43,9 часа. Независимо от уровня образования мужчины тратят на оплачиваемую работу больше времени, чем женщины.

Таблица 4

Продолжительность оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от уровня образования (на человека в часах за 7 дней недели)*

Уровень образования	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Ниже среднего	42,3	43,7	40,0	39,9	40,2	39,4	45,8	48,4	41,1
Общее среднее	42,4	44,4	39,0	41,7	43,6	38,7	45,1	46,5	43,0
Среднее специальное	41,2	44,7	39,3	40,3	43,3	38,6	43,3	45,7	41,2
Высшее	42,1	46,6	37,6	40,6	44,6	37,4	41,6	43,9	40,0

Примечание. *В целом по годам значения медианы и моды равны 40,0 час., за исключением 2021 г., когда медиана составила 44,0 час. для уровня образования «ниже среднего» и 42,0 час. по тем, у кого образование «общее среднее». Что касается различий по полу, то только у мужчин медиана была выше 40 час: в 1994 г. в отношении респондентов с законченным высшим образованием и в 2021 г. в отношении лиц с образованием ниже среднего (48,0 час.), общим средним (45,0 час.) и средним специальным (42,0 час.).

Таблица 5

Динамика продолжительности оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от профессионального статуса (на человека в часах за 7 дней недели)*

Профессионально-должностные группы	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Руководители	47,5	49,7	43,2	46,7	49,2	42,6	44,6	47,2	41,6
Специалисты высшего уровня квалификации	38,4	43,6	36,1	37,9	41,8	36,3	39,1	40,3	38,5
Специалисты среднего уровня квалификации	41,5	45,6	39,7	40,7	44,1	39,2	42,9	45,8	41,5
Служащие	40,0	37,5	40,2	36,6	42,1	35,9	45,2	47,9	44,1
Работники сферы обслуживания	46,4	49,8	44,4	45,7	49,4	43,3	46,4	52,1	43,4
Квалифицированные рабочие ручного труда	41,9	42,4	38,9	41,0	41,1	40,2	44,6	44,6	44,2
Операторы машин и механизмов	44,6	45,4	40,0	43,1	43,5	41,6	46,7	47,0	44,1
Неквалифицированные рабочие	40,4	47,6	36,7	37,7	43,3	34,8	39,9	42,4	37,6

Примечания. *В целом по годам значения моды равны 40,0 час. в каждой из представленных профессиональных групп, за исключением работников сферы обслуживания (48,0 час.). Медиана превышала 40,0 час. у работников сферы обслуживания (1994 г. и 1998 г. – 45,0 час., 2021 г. – 48,0 час.), у руководителей (1994 г. – 43,0 час., 1998 г. – 42,0 час.) и операторов машин и механизмов (1994 г. – 41,0 час., 2021 г. – 45,0 час.).

Но если в 1990-х гг. эта дистанция по мере повышения уровня образования увеличивалась, то теперь сокращается.

Несмотря на тесную связь профессионального статуса с уровнем образования, меньше других проводят времени на работе специалисты высшего уровня квалификации и неквалифицированные рабочие, тогда как больше других – работники сферы обслуживания и квалифицированные рабочие, занятые обслуживанием машин и механизмов (табл. 5). Много времени отводят работе также руководители, но средняя продолжительность труда в неделю у них снизилась на 6,3% – с 47,5 часа в 1994 г. до 44,6 часа в 2021 г. Одновременно существенно выросла продолжительность работы служащих – с 40 часов в 1994 г. до 45,2 часа в 2021 г., т.е. на 13%. Больше времени стали тратить на выполнение своих профессиональных обязанностей также специалисты среднего уровня квалификации и квалифицированные рабочие ручного труда. Характерная для мужчин более длительная продолжительность рабочего времени прослеживается практически во всех профессиональных группах.

У сельчан трудовая нагрузка выше, чем у горожан. В 2021 г. продолжительность оплачиваемого труда в неделю в расчете на одного занятого горожанина составила 43,2 часа, тогда как в расчете на одного сельчанина – 44,2 часа. Это превышение обеспечивалось полностью за счет мужчин. При этом и горожане, и сельчане стали работать больше, чем в 1990-х гг. Предвостанавливает интерес тот факт, что если в 1990-х гг. сельчане трудились не больше, чем жители региональных центров, то в настоящее время превалирование сельчан стало очевидным (табл. 6). Среди горожан больше других трудятся жители небольших поселений, в которых проживает от 10 до 100 тыс. человек (44,5 часа), тогда как меньше других – жители мегаполисов, Москвы и Санкт-Петербурга (41,8 часа).

Рассматривая изложенные выше данные, необходимо иметь в виду, что работа на селе носит четко выраженный сезонный характер. Если принять во внимание, что опросы RLMS-HSE проводятся в конце года, когда трудовая жизнь на селе затихает, то можно предположить, что в действительности трудовая нагрузка у труженников села оказывается еще больше, чем у горожан.

Таблица 6

Динамика продолжительности оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от типа населенного пункта (на человека в часах за 7 дней недели)*

Тип населенного пункта	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Региональный центр	42,2	45,1	39,2	41,6	43,9	39,3	42,8	44,7	41,0
Другой город	41,5	43,7	38,9	40,1	42,2	38,1	43,9	45,7	42,1
Поселок городского типа	41,1	43,7	38,3	43,9	47,5	40,6	43,3	46,0	41,0
Село	42,5	45,6	38,6	39,3	42,5	35,5	44,2	47,9	40,0

Примечания. *В целом по годам значения моды равны 40,0 час. в каждом из типов населенных пунктов. При этом только у женщин, проживающих в сельской местности, значение моды составляло во все годы наблюдений 35,0 час. Медиана составила в отношении сельчан 42,0 час. в 2021 г., оставаясь на уровне 40,0 час. в другие годы. Превышала 40,0 час. у мужчин в 1994 г. в ПГТ (42,0 час) и на селе (45,0 час), там же в 1998 г. (42,0 час); в 2021 г. ПГТ – 42,0 час., село – 48,0 час.

Таблица 7

Распределение занятых в зависимости от затрат времени на передвижение от дома до работы и обратно в неделю по полу по годам (в %)*

Часы в неделю	1994			1998			2021		
	в целом**	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Менее 2	23,6	21,0	26,6	25,5	23,9	27,2	31,6	29,4	33,9
От 2 до 4	24,9	23,9	26,1	27,4	26,5	28,3	29,6	29,0	30,2
От 4 до 6	16,0	16,0	16,1	16,3	15,6	16,9	15,9	16,6	15,2
От 6 до 8	14,7	16,1	13,1	14,3	15,5	13,2	9,6	11,0	8,2
8 и более	20,7	23,0	18,1	16,4	18,5	14,4	13,3	14,1	12,5

Примечания. *По полу: 1994 г.: χ^2 Пирсона = 31,466, значимо на уровне 0,001; 1998 г.: χ^2 Пирсона = 15,920, значимо на уровне 0,001; 2021 г.: χ^2 Пирсона = 18,898, значимо на уровне 0,001. **В целом по годам: χ^2 Пирсона = 229,877, значимо на уровне 0,001.

Помимо выполнения непосредственных профессиональных обязанностей, немало времени занимает неоплачиваемая деятельность, связанная с работой, основную часть которого составляет время на передвижение к месту работы и обратно. По данным RLMS-HSE, доля работников, которые не расходовали время на передвижение к месту работы и обратно, но затратили время на работу в течение последних 7 дней (занимались надомной работой, работали дистанционно и др.), остается сравнительно небольшой. Но если в 1990-е гг. она не превышала 1,9%, то к концу 2021 г. выросла до 3,1%.

Что касается тех, кто продолжал «ходить» на работу, то они стали тратить на эти перемещения меньше времени. Если вернуться к табл. 2, то можно увидеть, что за 1994–2021 гг. средняя продолжительность передвижений на работу и обратно на одного человека в неделю сократилась с 5,2 до 4,1 часа, в том числе у мужчин – с 5,6 до 4,3 часа, у женщин – с 4,7 до 3,9 часа. В 1994 г. затраты времени на такие передвижения составляли 11% общего рабочего времени, тогда как в 2021 г. – только 8,6%. Эти позитивные изменения, на наш взгляд, во многом связаны с повышением доступности и качества транспортных услуг для населения. Речь идет прежде всего о развитии общественного транспорта и уровня обеспеченности населения личным автотранспортом, увеличением протяженности и повышением качества автомобильных дорог общего пользования.

Как следует из данных табл. 7, за 1994–2021 гг. заметно сократилась доля работников, которые тратили в неделю на дорогу свыше 6 часов (с 35,4 до 22,9%), в том числе расходуя свыше 15 часов (с 2,5 до 1,7%) и от 10 до 15 часов (с 7 до 3,5%). Одновременно увеличилась доля тех, кто тратил на это не более 4 часов (с 48,5 до 61,2%). Свыше шести часов на передвижения к месту работы и обратно чаще расходовали мужчины, тогда как

менее четырех часов – женщины. Это может говорить о том, что женщины чаще выбирают работу поближе к дому, даже если это негативно отражается на заработной плате.

Очевидно, чем крупнее населенный пункт, тем больше времени тратят его жители, чтобы добраться на работу и обратно. В 2021 г. средняя продолжительность этих передвижений на одного человека в неделю составила в региональных центрах 4,6 часа, тогда как в других городах – 3,9 часа, в поселках городского типа – 3,4 часа, в сельской местности – 3,2 часа. В мегаполисах этот показатель достигал 6 часов (6,4 часа у мужчин и 5,5 часа у женщин). За 1994–2021 гг. затраты времени на дорогу от дома до работы и обратно сократились как у горожан (с 5,6 до 4,3 часа), так и у сельчан (с 4 до 3,2 часа), причем практически в равной мере как у мужчин, так и у женщин.

В целом средняя суммарная длительность оплачиваемого труда и передвижений на работу и обратно в 2021 г. составила 47,5 часа (мужчины – 49,9 часа; женщины – 45,2 часа). Причем на протяжении всего рассматриваемого периода данный показатель оставался стабильным. И можно предположить, что, учитывая возросшую потребность современного российского рынка труда в работниках при сократившейся до минимума безработице, а также проблематичность значительного повышения производительности труда в ситуации постоянного нарастания санкционного давления западных стран, этот показатель в ближайшей перспективе, скорее всего, не будет снижаться. В нынешних условиях часто рост трудовой нагрузки происходит вследствие перехода предприятий в условиях дефицита кадров на работу в несколько смен или на шестидневную рабочую неделю. Нередко руководители перегруженных заказами предприятий предлагают своим сотрудникам работать за дополнительную плату сверхурочно, в выходные и праздничные дни. Такая высокая вовлеченность снижает время на восстановление и повышает риски нарастания эмоционального истощения и усталости, повышения неудовлетворенности работой и жизнью в целом.

Выводы. Анализ показал, что подавляющее большинство российских работников систематически перерабатывают, что сокращает время на восстановление после рабочего дня и негативно сказывается на их социальном самочувствии. Каждый четвертый вынужден несколько раз в месяц или несколько раз в неделю задерживаться на работе после окончания рабочего дня, почти каждому второму приходится хотя бы один или несколько раз в месяц выходить на работу в выходные или праздничные дни. Почти 80% работников российских предприятий и организаций постоянно перерабатывают, превышая установленную нормальную продолжительность рабочего времени, тогда как в 1990-х гг. таких было только две трети. Вместе с тем на фоне снижения показателей оплачиваемой работы в кризисные годы и быстрого повышения в более благоприятные наблюдалось последовательное сокращение времени на передвижение на работу и обратно, а также доли этих временных затрат в общем объеме рабочего времени. У мужчин продолжительность оплачиваемой работы и передвижения к месту работы и обратно намного выше, чем у женщин, но эта гендерная дистанция понемногу сокращается. Чем меньше возраст и ниже уровень образования работников, тем больше времени они тратят на оплачиваемую работу и тем больше среди них тех, кто задерживается на работе после окончания рабочего дня. Больше других задерживаются на работе руководители, работники сферы обслуживания и квалифицированные рабочие, занятые обслуживанием машин и механизмов, тогда как меньше других – специалисты высшего уровня квалификации и неквалифицированные рабочие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов В.А., Новохацкая О.В. Использование времени и социальное самочувствие: опыт экспериментального анализа // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 24–31.
- Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т 12. № 5. С. 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7
- Большакова О.А., Караханова Т.М. Повседневная деятельность городских жителей: адаптационное структурирование, время ресурса и справедливость в возможностях // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 525–550. DOI: 10.19181/ezheg.2022.20
- Вишневская Н.Т., Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Динамика рабочего времени: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 61–72. DOI:10.20542/0131-2227-2001-2-61-72

- Зайкова И.А. Динамика продолжительности рабочего времени в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 272–276.
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Золотов А.В. Об исследованиях закономерного характера, факторов, эффектов и перспектив динамики рабочего времени в современной экономике // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 155–168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14
- Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. М.: ВШЭ, 2023.
- Караханова Т.М. Повседневная деятельность горожан в показателе бюджета времени (1965–2004 гг.) // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 41–51.
- Караханова Т.М., Большакова О.А. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (18). С. 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413
- Карачаровский В.В., Гурулева М.Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 34–46. DOI 10.31857/5013216250027365-4
- Колесникова О.А., Стребков А.А. Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4 (41). С. 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67
- Кузьмин А.И. Влияние демографических факторов на бюджет времени работающего и незанятого населения России // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 38–46.
- Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34–43.
- Патрушев В.Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). М.: ИС РАН, 2006.
- Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т.М. Карахановой. М.: ИС РАН, 2010.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. М.: Росстат, 2022.
- OECD. Hours worked (indicator), 2023. DOI: 10.1787/47be1c78-en (дата обращения: 01.10.2023).

Поступила: 13.12.23. Финальный вариант: 04.04.24. Принята к печати: 12.04.24.

WORK DAY DURATION DYNAMICS IN THE POST-SOVIET ERA

KOZYREVA P.M.***, NIZAMOVA A.***, SMIRNOV A.I.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **HSE University, Russia

Polina M. KOZYREVA, Dr. Sci. (Sociol.), First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University (pkozyreva@isras.ru); Alfiya Nizamova, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Main Expert, Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University (anizamova@hse.ru); Alexander I. SMIRNOV, Dr. Sci. (Sociol.), Senior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (smir_al@bk.ru). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Basic Research Program of HSE University.

Abstract. Based on data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), analysis is conducted of the basic tendencies that outline changes in the duration of the work day in post-Soviet Russia (1994–2021). It was revealed that if in the 1990s every third worker stayed within the established limit for working hours, in 2021 only every fifth, while everyone else was constantly forced to work extra hours. At the same time, with an increase in the duration of paid work, there was a noticeable reduction in the time spent traveling to and from work, as well as the share of these costs in the total amount of working time. A noticeable differentiation of workers by level of workload has been revealed, which in turn becomes one of the compelling reasons for the growth of differentiation in wages. Analyzing the current situation in the economy, the authors predict the preservation of high rates of working hours in the near future, which increases the threat of emotional exhaustion and physical fatigue of workers.

Keywords: dynamics, monitoring, paid labor, work hours, social adaptation, economic crisis.

REFERENCES

- Artemov V.A., Novokhatskaya O.V. (2011) Use of time and social well-being: experience of experimental analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 24–31. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2019) Working hours in Russia: employment models and choice factors. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12. No. 5: 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7. (In Russ.)
- Bolshakova O.A., Karakhanova T.M. (2022) Daily activities of urban population: adaptive structuring of time resources and equity in opportunities. In: *Reforming Russia: yearbook*: Vol. 20. Ed. by M.K. Gorshkov; FNIS RAS. Moscow: Novy khronograf: 525–550. DOI: 10.19181/ezheg.2022.20. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds) (2007) *Wages in Russia: evolution and differentiation*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2023) *The Russian labor market: a statistical portrait on the background of crises*. Working paper WP3/2023/02 / . Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Guruleva M.N. (2023) Motivation trap on Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4. (In Russ.)
- Karakhanova T.M. (ed.) (2010) *Daily activity of urban residents in the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008)*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Karakhanova T.M. (2006) Everyday activities of citizens in terms of time budget (1965–2004). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 41–51. (In Russ.)
- Karakhanova T.M., Bolshakova O.A. (2016) Workers' time budget as a reflection of their real behavior in everyday life (1965–2014). *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 3 (18): 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413. (In Russ.)
- Kolesnikov O.A., Strebkov A.A. (2020) Advanced distance employment as a trend: problems, solutions, prospects. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social and labor research]. No 4 (41): 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67. (In Russ.)
- Kuzmin A.I. (2013) Effects of demographic factors on budget temporary employment and unemployment population of Russia. *Vestnik UGUES. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Ser.: Ekonomika*. [Bulletin of UGUES. Science, education, economics. Ser.: Economy]. No. 4 (6): 38–46. (In Russ.)
- Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys*. (2022). Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- OECD. (2023). *Hours worked (indicator)*. DOI: 10.1787/47be1c78-en (accessed 01.10.2023).
- Patrushev V.D. (2006) *Labor and leisure of workers (time budget, values and motives)*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Patrushev V.D. (2005) Dynamics of the use of time budgets by the urban and rural population. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 34–43. (In Russ.)
- Vishnevskaya N.T., Gimpelson V.E., Monusova G.A. (2001) Dynamics of working time: comparative analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 2: 61–72. DOI:10.20542/0131-2227-2001-2-61-72. (In Russ.)
- Zaykova I.A. (2020) Dynamics of duration of working hours in the Russian Federation. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. No. 6: 272–276. (In Russ.)
- Zolotov A.V. (2020) On studies of the natural nature, factors, effects and prospects of working time dynamics in the modern economy. *Narodonaseleniye* [Population]. Vol. 23. No. 3: 155–168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14. (In Russ.)

Received: 13.12.23. Final version: 04.04.24. Accepted: 12.04.24.